

допускают некоторые фактические неточности (казнен был только один из упомянутых «пророков» — Микулаш Драбик). Главное, что они упускают из виду политические планы Кульмана, вольно или невольно следуя примеру западных ученых, которые не раз обращались к изучению творчества и биографии Кульмана.

Немало брошюр, статей и диссертаций на эту тему появилось уже в конце XVII в.: Кульман был достаточно заметной фигурой и в литературе позднего барокко, и в европейской религиозной жизни. Его трагическая смерть, разумеется, вызвала многочисленные отклики. Старая и новейшая европейская исследовательская литература приведена в цитированной нами книге Д. Чижевского. Чижевский посвятил Кульману первый раздел своей статьи «Два еретика в России», а также касался этого вопроса в работах «Якоб Беме в России» и «Немецкая мистика в России». Статьи эти были напечатаны в разное время, а затем собраны в книге «Из двух миров».

Если для Н. С. Тихонравова «дело» Кульмана — это эпизод из истории Немецкой слободы, то для Д. Чижевского — эпизод из истории русского «бемизма». Но равным образом и Н. С. Тихонравов, и Д. Чижевский подходят к Кульману с теологической точки зрения: пусть первый, так сказать, с некоторой православной неприязнью, а второй — явно стремясь к объективности. В обоих случаях политическая программа Кульмана остается в стороне. Более того, Д. Чижевский даже допускает ошибку, утверждая, что «Кульман призывал ... к ряду внешнеполитических действий и к войне против Польши и Швеции» (разрядка моя. — А. П.).⁹ Эта фраза Д. Чижевского, на первый взгляд, подтверждается записью второго допроса Нордермана, в котором, между прочим, есть следующее место: «А великие государи московские тогда будут в соединении с турки, и с татари в миру, а поляков с шведы разорят, а римские веры людей искоренят, и аглинскому королю во Лондоне и нигде житья не будет».¹⁰ Однако толкование Д. Чижевского явно ошибочно. Конечно же, слова «с шведы» следует понимать как указание на предполагаемый союз со Швецией: «... великие государи московские ... поляков (вместе, в союзе) с шведы разорят».

Программа Кульмана, а следовательно Нордермана, предусматривала именно союз России и Швеции. Об этом неоднократно говорилось на допросах, об этом же писал Кульман в своих «тетрадах», адресованных царям, это вообще естественно для представителя европейской реформации, какое бы крайнее и обособленное реформационное течение он ни представлял.

Д. Чижевский истолковывает поездку Квирина Кульмана в Москву как поиски почвы для создания «пятого иезулитского царства» — варианта тысячелетнего царства Христова, предсказанного в Апокалипсисе и ожидавшегося хилиастами, теорию которого Кульман построил на мыслях Якоба Беме. Отмечая «нечеткость формы» написанной специально для Москвы агитационной книжки Кульмана, Д. Чижевский с недоумением замечает, что «только об уничтожении папства он (Кульман, — А. П.) говорит ясно. Кульман, очевидно, надеялся, что его спросят о более глубоком смысле его сочинения».¹¹ Это недоумение весьма показательное. Д. Чижевский произвольно сконструировал цели поездки Кульмана и поэтому, не найдя им подтверждения в сочинениях «пророка», считает, что Кульман о них умалчивал. Пренебрежение к «политике», столь характерное для

⁹ Dmitrij Čiževskij. Aus zwei Welten, стр. 235.

¹⁰ Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства..., стр. 132—133.

¹¹ Dmitrij Čiževskij. Aus zwei Welten, стр. 199.